

Фрэнсис Бэкон – английский философ, учёный и политический деятель

Вишев Игорь Владимирович, старший научный сотрудник
Южно-Уральский Государственный университет (Челябинск)

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению взглядов и жизненной позиции Фрэнсиса Бэкона, английского философа, учёного и политического деятеля, одного из основоположников новоевропейской науки, жизнь и творчество которого пришлись на конец XVI и начало XVII столетий, когда действовали определяющие факторы становления и развития капитализма в Англии. Особое внимание уделено разработке им индуктивного метода научного познания, учения об «идолах» или «призраках» – врождённых и приобретённых затруднений действительности и способах их преодоления, а также его представлениям о будущем научно-технического прогресса человечества.

Ключевые слова: философия, наука, материализм, «огораживание», индукция, учение об «идолах» или «призраках», будущее научно-технического прогресса.

Закономерным следствием развития машинного производства, начавшегося ещё в Эпоху Возрождения, стало возникновение капитализма. Одной из первых стран Европы, где рано зародились и быстро развились капиталистические отношения, стала Англия. Уже к концу XIV – началу XV века в ней начинает исчезать крепостническая зависимость. Уместно напомнить, что в России крепостное право было отменено лишь в 1861 году, в середине XIX столетия, почти полтысячелетия спустя, да и то недостаточно последовательно.

Это имело теперь всем хорошо известные социальные последствия, главное из которых – в определённой мере и смысле преждевременность социалистической революции. Она имела объективные предпосылки, чтобы произойти, и она произошла, но, согласно марксистской теории, это должно было бы случиться несколько позже. Однако, реальный ход истории распорядился иначе. Возражать против него, а тем более противодействовать ему было бессмысленно и бесполезно, а в конечном счёте реакционно, или, что то же самое, тогда контрреволюционно.

Что касается Англии, то она, естественно, оказалась впереди большинства европейских стран, не говоря уже о России, что, так или иначе, не может не сказываться и сегодня, хотя за минувшие столетия произошло немало разных событий, которые влияли на исторический процесс, его направленность и многое другое. Говоря о развитии капитализма в Англии нельзя не учитывать то обстоятельство, что она довольно рано стала мощной колониальной державой. Это непосредственно способствовало её обогащению вследствие эксплуатации не только своего народа, но и многих других.

Развитие капитализма в Англии предъявило новые, более высокие требования и к развитию интеллектуальной жизни английского общества, в том числе философской мысли и науки в целом. Наиболее ярким и значимым проявлением этой потребности стали жизнь и творчество Фрэнсиса Бэкона (1561-1626) – известного государственного и политического деятеля Англии, выдающегося мыслителя и учёного, одного из основоположников новоевропейской философии и науки.

Он рано поступил в Кембриджский университет (1573), но учёба в нём его не удовлетворила из-за преобладания схоластов и схоластики. Поэтому Фрэнсис предпочёл должность помощника английского посла во Франции, трёхлетняя работа с которым приобщила его к передовым знаниям и предоставила богатый опыт в дипломатии и политике. Это способствовало тому, что уже в двадцать лет он стал членом Палаты общин английского парламента.

Его карьере способствовали и происхождение, и вообще родственные связи. Достаточно сказать, что его отец был одним из самых высокопоставленных вельмож страны – лорд-канцлер, лорд-хранитель Большой печати. Правда, отец Фрэнсиса сравнительно рано умер (1579), не успев наделить его намеченным наследством, и потому в итоге ему досталась только пятая часть, что оказалось явно недостаточно. Тем не менее, впоследствии сын тоже занимал эти высокие должности, был избран в Палату лордов

Особенно успешной его деятельность была во время правления короля Якова I. И всё же очень долго Бэкону не удавалось добиться устойчивого финансового положения, ему всё время приходилось жить в долг, что его, естественно, не могло не озадачивать. Да и вообще вся его деятельность далеко не была безоблачной. Этому, судя по всему, содействовал и его характер. Рассказывается, например, что как-то высокопоставленный сановник попросил Бэкона объяснить свою позицию, на что тот заявил, что имеет право говорить согласно своей совести.

Карьера Бэкона закончилась, можно сказать, печально, прямо-таки фиаско. Интриги достигли своей цели. Он, будучи в то время в течение трёх лет лордом-канцлером, главой судебной власти в Англии и Уэльсе, был обвинён во взяточничестве, в довольно распространённом в то время явлении. Бэкон признал свою вину, рассчитывая на прощение, поскольку считал предъявленные ему обвинения как часть заранее подготовленного заговора против него. Но тут же последовало ещё одно. Уверение в отсутствии злого умысла не возымело действия.

Приговор гласил: штраф 40000 фунтов, заключение в Тауэр на срок, определённый королём, лишение права занимать какие-либо государственные должности, заседать в парламенте и бывать при дворе. Было также предложение подвергнуть философа бесчестию – в данном случае лишить его титулов барона и виконта, но оно не прошло из-за двух голосов против. Бэкон был-таки заключён в Тауэр, но через несколько дней король его освободил, в последствии был также прощён и штраф, да практически и всё остальное. Однако в парламенте Бэкон больше не появлялся, заседал он в нём сорок лет.

Судьба Бэкона подтвердила справедливость его же слов, сказанных в эссе «О высокой должности». «На высоком месте нелегко устоять, – считал он, – но нет и пути назад, кроме падения или по крайней мере заката...» [4, с. 373]. Это утверждение актуально звучало и раньше, актуально звучит оно и теперь.

Закончив свою политическую деятельность, Бэкон удалился в своё поместье и последние пять лет своей жизни посвятил исключительно научной и литературной работе. Главными сочинениями Фрэнсиса Бэкона стали «Опыты или

наставления нравственные и политические», над которыми он работал, расширяя и дополняя, фактически всю свою жизнь; «О достоинстве и приумножении наук», «Новый Органон», в отличие и по аналогии от «Органона» Аристотеля – традиционного названия его философских сочинений, посвящённых логике, вообще методологическим проблемам; в утопическом сочинении «Новая Атлантида» перечисляются представления Фрэнсиса Бэкона о будущем человечества, но оно, к сожалению, не было закончено.

Для полноты и точности картины событий в Европе немаловажно отметить следующее обстоятельство. Первая буржуазная революция случилась не в Англии, как можно было бы ожидать, а в Нидерландах, или Голландии. Это была сравнительно небольшая страна, находившаяся под испанским господством. Но национально-освободительная борьба против него закончилась освобождением и привела в итоге к появлению первых европейских республик. Кстати сказать, весь этот процесс, по сути дела, сама Нидерландская революция началась с народного Иконоборческого восстания, прокатившегося по ряду районов Фландрии в 1566 году. Тогда были разбиты иконы и статуи святых в 5,5 тыс. церквей.

В этом движении были свои приливы и отливы. Например, когда штатгальтер (испанский наместник) Маргарита Пармская объявила о приостановлении действия инквизиции и легализации кальвинизма, восстание пошло на спад, но карательная экспедиция герцога Альбы вновь его всколыхнула.

А капитализм в Нидерландах продолжал набирать обороты. Предпринимательство распространилось в сукноделии, пивоварении, рыболовстве, кораблестроении и смежных с ними отраслях, развивалось фермерское хозяйство. Голландия тоже стала сильным колониальным государством, что также содействовало её обогащению и способствовало развитию капиталистических отношений. Однако, в конечном счёте, приоритет в мире в отношении капиталистического производства и буржуазных взаимоотношений остался за Англией.

Характерным примером перехода этой страны на капиталистические рельсы развития может служить так называемое «огораживание». Суть его состояла в том, что крестьяне сгонялись со своих земельных наделов, превращались в батраков, а земля отводилась для разведения овец, иначе говоря, для получения шерсти и производства тканей, которые становились главной статьёй торговли. Кроме обнищания большинства людей и обогащения меньшинства, что было в природе капиталистических отношений, проявились и другие негативные моменты этих устремлений.

Главными из них и вполне закономерными стали народные волнения. Одно из них – восстание под предводительством кожевника Роберта Кета в 1549 году. Он, кроме того, вместе с братом владел и участком земли. В их местности началось столкновение с одним из владетельных феодалов из-за дележа секуляризованных монастырских земель. Возмущение сельчан быстро усиливалось и вскоре их численность составила шестнадцать тысяч человек. Роберт Кет сначала присоединился к ним, а затем и возглавил это движение.

Под вековым дубом, который называли «Дубом Реформации» Роберт Кет разбирал жалобы крестьян на лендлордов и улаживал споры между восставшими. Была выработана особая программа. В неё вошли требования крестьян о праве на землю, на ловлю рыбы и ограничению огораживания. Соглашения, естественно, достичь не удалось. В начавшихся сражениях королевские войска, как это чаще всего бывало, подавили сопротивление восставших, а их предводитель и его брат были схвачены, осуждены и казнены.

Серьёзную оппозиционную силу представляли так называемые пуритане (лат. *puritas* – чистота). Они представляли собой английских протестантов, которые не признавали официальную англиканскую церковь, отколовшуюся от католической; были последователями кальвинизма в XVI–XVII веках. Пуритане отличались дисциплинированностью, страстным стремлением к почитанию бога и желанием духовного обновления; им был присущ религиозный фанатизм, храбрость, упорство, уверенность в своей исключительности и избранности, аскетизм и расчётливость в экономических вопросах.

Дело в том, что политика «огораживания» сокращала и ту часть крестьянства, которая своими налогами главным образом пополняла государственную казну. Кроме того, сокращение сельского населения усиливало конфликтность отношений в английском обществе. Именно против этих негативных последствий и выступил Фрэнсис Бэкон, разработав два специальных билля: об увеличении пахотных земель и о росте сельского населения (1597–1598). Будучи серьёзно доработанными, они были приняты.

Говоря о факторах, способствовавших развитию капитализма в Англии, небезынтересно отметить и такой. Скажем, французский феодал был крайне чванлив, тогда как английский гораздо меньше отличался этим недостатком, он мог заниматься торговлей, участвовать в денежных спекуляциях, эксплуатировать не только крепостных крестьян, но и батраков, не видя в этих занятиях ничего предосудительного, что унизило бы его «благородное происхождение». Иными словами, этот сословный предрассудок не имел большого значения. Без особых препятствий переходили в дворянство купцы, ростовщики и промышленники, приобретшие земельную собственность; без особых затруднений покупались дворянские титулы, не считалось предосудительным жениться или замужество на претендентах, не обладавших какой-то особой родословной. Короче говоря, происходило определенное смешение сословных интересов, возникло так называемое новое дворянство.

Вокруг имени Фрэнсиса Бэкона немало накопилось разного рода легенд и неточностей. Так, принято считать, что известное изречение «Знание – сила» принадлежит именно ему, хотя, строго говоря, в его сочинениях оно нигде не встречается, правда есть высказывания, близкие по смыслу. Впрочем, вряд ли существуют серьёзные основания пересматривать эту традицию, поскольку привычный афоризм в главном выражает суть бэконовской позиции.

Вместе с тем, в его учении многое сочетается, хотя, казалось бы, несочетаемое. Например, с одной стороны, существуют серьёзные основания говорить о том, что он является основоположником английского материализма, но с другой, – в его сочинениях немало рассуждений о боге, да и вообще у него это немаловажный персонаж, причем, как и у некоторых деятелей Эпохи Возрождения и Нового времени тоже. Впрочем, бог, опять-таки, является предметом веры, а не разума, тем более не науки, что принципиально меняет суть ситуации.

Нет у Бэкона и однозначного отрицания бессмертия души. В то же время он писал: «...мы завершим это рассуждение о выдающемся значении наук, указав на то приносимое ими благо, к которому прежде всего стремится человек и о своей природе, а именно бессмертие и вечность. Ведь именно из-за этого рождают потомство, стараются прославить свое имя, сооружают здания, основывают различные учреждения, воздвигают памятники, стремятся к славе и в конце концов к этому сводятся все человеческие чаяния. Но мы видим, что памятники, созданные талантом и эрудицией, сохраняются много дольше, чем те, которые воздвигнуты руками человека. Разве песни Гомера не живут уже двадцать

пять, а то и больше веков, не потеряв ни единого слова, ни единой буквы» [3, с. 143].

Бэкон решал последовательно две познавательные задачи: во-первых, какими ошибками чревато чувственное познание и что надо предпринять, чтобы их устранить. В то время существовало мнение, что главное затруднение на пути познания природы заключается не в предмете, не во внешних независимых от нас условиях, а в уме человека, в его употреблении и применении. Во-вторых, каков научный метод, который способен вести по пути истины? Отвечая на первый вопрос, он разработал учение о призраках или идолах. Он их перечислил так: «Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучить их, дадим им имена. Назовем первый вид идолами рода, второй — идолами пещеры, третий — идолами площади и четвертый — идолами театра» [2, с. 18]. Например, под четвёртым видом идолов понимаются основанные на слепой вере в авторитеты, в частности, философские системы, которые своими искусственными построениями напоминают действия, разыгранные на театральной сцене. Иными словами, следуя авторитету древних, человек воспринимает происходящее не так, как оно существует в действительности, а предвзято, с предубеждением.

Первый и второй типы идолов относятся к естественным свойствам ума, они устраняются посредством коллективного опыта; третий и четвёртый приобретены, но прошлое (скажем, авторитет древних, даже такого «величайшего из философов», как Аристотель) — это детство человечества, «золотой» век ещё впереди.

Что касается метода, то особая заслуга Бэкона состоит как раз в разработке такого научного метода познания, а именно индукции — движения мысли от частного к общему. В значительной мере этой теме посвящено его сочинение «Новый Органон». В нём он, например, писал: «Теперь же должно перейти к помощи индукции, к исправлению её, а затем к конкретному, к скрытым процессам, скрытым схематизмам...» [2, с. 222] В этом методе Бэкон видел способ обретения новых открытий и изобретений, преобразующих мир. Например, искусство книгопечатания, изобретение пороха и компаса изменили вид земного шара, произвели три переворота: в науках, в военном деле и мореплавании. При этом наука должна опережать практику, указывать путь к новым изобретениям и открытиям.

Свои представления о достижениях научно-технического прогресса в будущем человечества Бэкон пытался изложить, как уже отмечалось, в своём утопическом романе «Новая Атлантида». Сведения о легендарном острове Атлантида уходят к Платону. В сочинении Бэкона повествуется об острове Бенсалема.

Повествование романа начинается с рассказа о том, что путешественники отплыли из Перу, где они пробыли год, взяв припасов на двенадцать месяцев, в Южные моря в направлении Китая и Японии. Судя по взятым запасам, путь предстоял не близкий. Сначала дули попутные, но слабые ветры (поменяв направление с восточных на западные), «так что мы почти не продвигались и порой подумывали о возвращении» [1, с. 489]. Затем поднялся сильный ветер и отнёс их, «не смотря на все наши усилия», к северу. «К этому времени запасы наши истощились, хотя мы и расходовали их бережно. И вот, очутившись среди величайшей в мире водной

пустыни, мы почли себя погибшими и стали готовиться к смерти» [1, с. 489]. Они стали молить о спасении и, естественно, спаслись.

Такое начало, показывающее явную зависимость планов людей от воли ветров, не может не насторожить, поскольку подобных проблем человечество давно уже не знает. Во всяком случае, парусный флот — дело прошлого. Неудивительно, что обитатели острова Бенсалема, куда эти путешественники в конечном счёте попали, тоже оказались христианами. Используется и такое давно устаревшее выражение, как «приблизившись к нашему кораблю на расстояние полета стрелы». Скоро также выяснилась и такая особенность, что вторая плата за услугу островитянам не положена, ибо оплачивает государство, а дважды оплаченных они называют «чиновниками, берущими дары». Стало известно и то обстоятельство, что им всё равно, чем оплачивать за товары — товарами ли тоже, золотом или серебром [1, с. 495].

Впрочем, в этой книге есть сообщения далеко небезынтересные. Так, можно упомянуть своего рода академию Новой Атлантиды, которая называется у них Дом Соломона, представляющий собой средоточие получения и приумножения рационального, научного подхода к познанию. Одна из интересных идей, связанных с ним — его государственное финансирование, актуальная и дискутируемая и сегодня. У них тоже одна информация является общедоступной, но есть и закрытая. Рассказывается об очень глубоких рудниках и высоких башнях, упоминается даже об исследованиях по продлению жизни, но и в этом случае, к сожалению, без подробностей.

Также без подробностей повествуется об их умении усиливать свет и передавать его на большие расстояния, достигая такой его яркости, что можно увидеть мельчайшие точки и линии. Упоминается об опытах с окрашиванием света «со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теньвыми изображениями» [1, с. 519]. Это, похоже, связано как раз с учением Бэкона «об идолах». В перечне приборов упоминаются такие, которые можно было бы назвать микроскопами и телескопами, им известны разного рода достижения в области оптики и акустики.

Более того, островитянам известны магниты большой мощности, различные виды военной техники, они могут подражать полёту птиц, имеют суда и лодки, плавающие под водой, а также приборы, основанные на вечном движении [1, с. 521]. Но, опять-таки, без подробностей, иными словами, без разъяснений, какие при этом технические и прочие проблемы они решали, отсутствует история соответствующих открытий и изобретений. Приводимый их перечень очень похож на сказочные мечтания о коврах-самолётах, сапогах-скоороходах и т.п.

Вряд ли самого Бэкона не удовлетворило начало его прогностического сочинения, скорее, всё было проще и трагичнее — работу прервала относительно скорая и неожиданная смерть. Чтобы проверить влияние холода на сохранность мясных припасов, он проводил опыт, собственноручно набив тушку курицы снегом, вследствие чего простудился и заболел. Примечательно, что, будучи уже тяжело больным, в своём последнем письме к лорду Эренделу, одному из друзей, Фрэнсис Бэкон с торжеством сообщил, что опыт удался. Он до последнего был настоящим учёным.

Литература:

1. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1972. — С. 488-524.
2. Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1972. — С. 6-222.
3. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения в 2-х томах. Т. 1. — М.: Мысль, 1971. — С. 85-546.
4. Бэкон Ф. Опыт или наставления нравственные и политические // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1972. — С. 349-486.

